

Алексей РОМАНЧУК

ЯЗЫКОВЫЕ ДАННЫЕ К ИСТОРИИ НЕКОТОРЫХ ГРУПП УКРАИНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ОРХЕЙСКИХ КОДР

Начиная с лета 2004 года, исследовательский центр «Fun Anthropology» проводит антропологические исследования в микрорегии Булаешты-Лопатна. Одной из основных целей этих исследований является выяснение вопроса о времени и обстоятельствах появления здесь украинского населения с. Булаешты. Упор в решении этого вопроса делается на использование данных языка жителей Булаешты, а также и соседних молдавских сел – прежде всего, Мырзачи и Мырзешты.

Результаты первого года исследования были кратко обобщены в коллективной статье (Романчук, Балахнова, Демченко 2005). За прошедшее с тех пор время некоторые положения этой статьи должны быть уточнены.

В первую очередь, следует остановиться на вопросе о месте украинского говора жителей с. Булаешты среди основных диалектов украинского языка. И здесь можно говорить, что булаештский говор ближе всего к говорам Буковины.

В пользу этого говорит, во-первых, то, что в произношении в булаештском говоре очень четко наблюдаем переход звуков «д», «т» соответственно в «г», «к». Таким образом, в Булаештах «гід» произносится вместо дід (дед) (далее даются просто русские эквиваленты соответствующих украинских слов); гі (у)ка – девка (знак (у) здесь и далее означает «у неслоговое»); кісто – тесто; кьока – тетя; кяшко – тяжело; скіна – стена; скі(у) – стол; кіля – тетя.

Такое смягчение звуков «д» и «т», вплоть до замены на «к» и «г», характерно, прежде всего, для буковинских и особенно гуцульских говоров (Жилко 1957: 75). В гуцульских эта особенность наблюдается даже в глаголах в инфинитиве (Шило 1957: 201-202). То есть, «хотіти» произносится как «хокіти», а «вертіти» как «веркіти».

Здесь Булаешты ближе даже не к буковинским говорам, а к гуцульским. Данный показатель отличает булаештский говор от наиболее близких территориально – от подольских говоров. В подольских говорах «д» и «т» произносится всегда твердо и четко (Жилко 1958: 106). Некоторое смягчение наблюдается только в узкой полосе вдоль Днес-

тра – там, где подольские говоры стыкуются с покутско-буковинскими.

Другим отличием является то, что в подольских говорах звук «о» в безударной позиции переходит в «у» (Жилко 1958: 107). Например, слово «дорога» произносится как «дурога», «ходити» - как «худити». Очень широко в подольских говорах используется протетичное «г» - например, «осінь» произносится как «госінь», «узкий» - как «гузкий» (Жилко 1958: 108).

Также и лексика подольских говоров дает целый ряд слов, отсутствующих в булаештском. Например, неcki - корыто, коминок - дымоход, бульба - картошка, мерва – тертая солома (Жилко 1958: 110).

В булаештском говоре мы наблюдаем (как в буковинских и гуцульских) переход «л» в «(у)» в словах типа: скі(у) – стол, го(у)ка – иголка (Шило 1957: 72), а также переход «вн» в «мн» в словах типа «рiмнэй» - ровный, «дамнэй» - давний (Шило 1957: 59).

Присущ булаештскому говору и такой признак, как исчезновение конечного «т» в глаголах в третьем лице единственного числа. То есть, «він (он) ходе», «возе», «носе», «іде» вместо «ходит», «носит», «ідет», как в литературном языке. Это тоже характерно как раз для буковинских и гуцульских говоров (Жилко 1958: 104).

Наибольшее родство булаештского говора с буковинскими подтверждается и детальным сопоставлением лексики буковинских говоров, собранной и опубликованной исследователями из Черновиц под руководством В.А. Прокопенко (1971). Среди таких четких лексических указателей можно отметить слова (произношение слов булаештского говора здесь и далее дается в оригинальном варианте, поскольку это само по себе является ценным источником; звук «э» соответствует русскому «э»):

1. половэк – ястреб
2. врэмня – хорошая погода
3. вэрэня, вэрэчэна – большой кусок грубой ткани, дорожка на пол
4. із(у)ор – родник
5. вэрвэлэца – белка
6. бусік – аист
7. лэлэк – летучая мышь
8. грунт – хозяйство, двор
9. коно(у)ка – деревянное ведро, суживающееся кверху
10. сардак – вид верхней одежды
11. тогiд – прошлый год
12. відій - видимо
13. ужі(у)ка - веревка
14. гачі – штаны

Но есть и ряд отличий булаештского говора от буковинских.

Прежде всего, это переход «а» в «е», что очень характерно для буковинских говоров (Жилко 1958: 100-103). Так, вместо «часто» на Буковине произносится «често», вместо «прядэ(у)о» - «преди(у)о», вместо «душа» - «душе», вместо «времня» - «времне». В булаештском говоре это явление отсутствует.

Отмечу также такой признак, как вставное «о» после «в» - «огонь» произносится как «вогонь». Это характерно для Буковины, гуцулов, западнopoдoльских говоров, бойков (АУМ, карта 62). В Булаештах произносится «(у)гонь», но изредка среди стариков можно услышать и «(у)огонь».

Очень важное отличие булаештского говора – отсутствие протетичного «в». Протетичное «в» означает, что, например, слово «улица» произносится как «вулица». Этот признак характерен для буковинских говоров, а также распространен и в гуцульских говорах (АУМ, карта 122). Аналогично, на Буковине и у гуцулов слово «узкий» произносится как «вузкий» (АУМ, карта 123). По работе же В.А. Прокопенко можно привести еще целый ряд примеров из буковинской лексики, демонстрирующих широкое использование протетичного «в»: «вуйко» - дядя (при булаештском «уйко» - дядя, прадед), «вогорити» - говорить (при булаештском «(у)горэтэ»), «вуживка» - веревка (при булаештском «ужі(у)ка»), «вудвуд» - удод (при булаештском «удул»).

Также для булаештского говора характерно использование звука типа русского «э» в тех позициях, где в литературном украинском и в большинстве говоров используется «и».

Согласно нормам украинского языка, «и» соответствует русскому «ы»; это звук, средний между русскими «и» и «ы». Русскому же звуку «э» соответствует украинское «е» (Кондрашов 1986: 83). Это явление, или переход «и» в «е», как его обозначают филологи-украинисты, по мнению Г.Ф. Шило, характерен для надднестрянских, западноволынских, гуцульских, холмских и подляских говоров (Шило 1957: 49). Также она отмечает, что это явление особенно выражено для западной части Южной Волыни и северной – Сокальского района. Здесь каждый «и» произносится как близкий к «е», а то и просто «е».

В булаештском говоре это выражено еще сильнее.

Ну, и наконец, лексика буковинских говоров (по материалам В.А. Прокопенко), по моим подсчетам, дает примерно 80% слов, неизвестных в булаештском. Среди них следует особо отметить отсутствие в булаештском говоре таких важных и информативных слов (произношение дается по В.А. Прокопенко), как:

1. газда – хозяин;

2. марга, маржа – скотина;
3. дараб – кусок;
4. запаска – фартук, передник;
5. застилка – фартук, передник;
6. гремпли, згремпли – инструмент для расчесывания шерсти;
7. кептарь – безрукавка;
8. бунда, бонда – меховая или кожаная безрукавка;
9. кошуля – рубаха;
10. туск – печаль;
11. тано – жалко;
12. завши – всегда;
13. путня – ведро;
14. обора – загон для скота;
15. обійста – хозяйство, двор;
16. кавалок – кусок;
17. варга – губа;
18. гердан – наголовное украшение;
19. жалива – крапива;
20. кілім – ковер;
21. салби – украшение из монет;
22. стодола – гумно;
23. пацьорки – бусы;
24. згарда – монисто, бусы;
25. зупа – суп;
26. зама, дзяма – вид борща с мясом;
27. агрест, агрис – крыжовник;
28. лейбик – суконная безрукавка;
29. цілушка – кусок хлеба;
30. скорца – ковер из шерстяных разноцветных ниток;
31. зимно – холодно;
32. дзінькуватэ – благодарить.

Список можно существенно увеличить, однако и это уже показательно.

В целом, наибольшую близость к говору Булаешт демонстрируют говоры Заставновского и Кицманского районов Черновицкой области. Однако эта близость тоже очень относительна. При этом мы наблюдаем, что в булаештском говоре есть слова, известные либо только в одном, либо только в другом районе. То есть эти параллели (как и вообще буковинские) не образуют целостного комплекса.

Все это говорит о том, что пути булаештского говора и буковинских говоров, хоть и самых близких к нему, все же разошлись уже достаточно давно. Вопрос – когда?

Что касается перехода «а» в «е», то он наблюдается в юго-западных украинских говорах еще в XVI-XVII вв., а В. Курашкевич отмечает отдельные проявления уже в галицко-волынских грамотах (Шило 1957: 42). В устной речи, видимо, процесс начался раньше (Шило 1957: 43).

Переход «и» в «е», что, как было отмечено выше, характерно и для булаештского говора (произносится как русское «э» в большинстве случаев – и на месте украинского «и», и на месте украинского «е»), произошел тоже достаточно рано. Следы этого явления отмечаются уже в документах XVI-XVII вв. (Шило 1957: 50). Оно наблюдается прежде всего для гуцульских говоров, а также особо характерно для западной части Южной Волины (Шило 1957: 49). Но, судя по отрывистости параллелей булаештского говора и гуцульских, тоже не образуют целостный комплекс, в булаештском говоре это явление развивалось параллельно, скорее всего – независимо и на отличной основе.

Сопоставление с данными И.О.Дзендзелівського дает возможность говорить об отсутствии в Булаештах многих важных, опознавательных слов, появившихся в целом в украинском языке после XV века из польского языка. Это такие слова, как «варга» – губа, засвидетельствованы в украинских памятниках с середины XVII века (Дзендзелівський 1969: 33). Далее, «барвінок» – вид растения; в польских памятниках с середины XIV века (Дзендзелівський 1969: 17). «Обійста» – подворье; с XVII века в украинских памятниках (Дзендзелівський 1969: 95). «Пацьорки» – бусы; с XVIII века (Дзендзелівський 1969: 101). «Пергач» – летучая мышь; с XVIII века (Дзендзелівський 1969: 102).

Особо хочу остановиться на слове «стодола» – помещение для скота, гумно, помещение для снопов; в Закарпатье оно засвидетельствовано с XVII века, в других районах Украины – уже в XVI веке (Дзендзелівський 1969: 127). Оно важно тем, что представлено очень широко в юго-западных диалектах. Оно используется и на Буковине, и у гуцулов, и в подольских говорах, и в украинских говорах Молдовы (АУМ, карта 281). Полное и категорическое отсутствие этого слова в булаештском говоре возможно только в том случае, если к этому времени он уже не находился с ними в одном поле влияния.

Аналогично, слово «рік» – год; оно уже с XIV века широко распространяется в украинском языке (Дзендзелівський 1969: 116). И важно, что «рік» тоже широко известен и юго-западным диалектам (АУМ, карта 353). В булаештском говоре же это слово тоже отсутствует.

Стоит здесь упомянуть, что для Галичины и Волины процесс проникновения полонизмов начался раньше, с конца XIV века (в частности, слова «шкода» – жалко, «шукатэ» – искать) (Рогаль 1982: 21-22). Оба этих слова в булаештском говоре присутствуют.

Вместе с тем ряд слов, возникающих в украинском языке в XVII-XVIII веках (например, уорчік – элемент устройства телеги, дэщіль – дышло), мы видим и в булаештском говоре. Но это вполне можно объяснить тем, что контакты с внешним миром, и в том числе с более северным массивом севернобессарабских и буковинских говоров, все же существовали.

Очень важную информацию дает сравнение лексики булаештского говора с классификацией общекарпатской пастушеской лексики Г.И. Клепиковой.

Она делит ее на две группы – исконную и заимствованную.

Среди исконной лексики она выделяет:

1) узколокальные – слова, известные только в карпатских говорах украинского языка. Это, например, «хуслянка» – кислое молоко; «кваснина» – вид сыворожки, «застайка» – навес, помещение для скота; «дріб» – овцы, козы; «обора» – загон для скота;

2) карпатоукраинские термины, имеющие соответствия в балканских языках и не известные в Центральных и Южных Карпатах. Это «стая» – загон для скота; «сирватка» – сыворожка; «перч» – козел; «рохуля», «рохана» – рогатая овца; «білуша» – белая овца.

Среди заимствованной лексики она выделяет:

1) слова, имеющие соответствия в румынском. Это «вакеша», «жентита», «коморник», «сербудзянка»;

2) балканизмы плюс валахизмы – слова, имеющие соответствия в языках Балканского полуострова. Это «дзер», «куластра», «стигна», «струнга», «гляг», «цап», «бирка».

Сравнивая этот список с данными булаештского говора, мы видим очень немного общих слов. Из группы «исконной карпатоукраинской лексики» – только слова «кошара» и «окол». Кроме того, хотя в булаештском говоре нет слова «неліпка» – «корова, отелившаяся на второй год жизни», присутствует форма «неляпка» с тем же значением, что Г.Н. Клепикова полагает южнославянским заимствованием в карпатоукраинские говоры. «Узколокальная карпатоукраинская лексика» отсутствует у нас полностью, если не считать «первістка» – корова, отелившаяся в первый раз. Оно в булаештском имеет форму «первідка».

Из группы «заимствованная лексика» в булаештском полностью отсутствует подгруппа заимствований, имеющая соответствия в румынском языке. Исключение – слово «буз», означающее круг сыра.

Зато достаточно широко представлены в булаештском говоре балканизмы. Но при этом только тот их пласт, который Г.Н. Клепикова полагает более древним. Это слова «стигна» (булаештское «стэгна») – сооружение в поле, где держат овец летом; «струнга» – дойка овец и

специальное место для дойки; «урда» - прокисшее овечье молоко, сыворотка; «куластра» - специальное ритуальное блюдо из первого молока коровы после отела; «дзер» (булаештское «дзэр») - сыворотка; «колиба» (булаештское «колэба») - помещение для животных; «чула» - безухая или короткоухая овца, собака (в Булаештах засвидетельствовано фамильное прозвище «Чулэй» и соответствующая дразнилка: «Чулэй-бізуха, відгрэзлэ пэсэ уха», т. е. «Чулэй – без уха, отгрызли псы уха»).

Более поздние балканизмы (типа «гердан») в булаештском тоже отсутствуют. И это важно подчеркнуть.

Из списка Г.И. Клепиковой следует отметить наличие в булаештском и слов, известных и севернославянским диалектам. Это «гляг» - желудок ягненка для заквашивания овечьего молока; «цап» - козел.

Таким образом, булаештская лексика не знает основной массы слов-карпатизмов. Поэтому можно говорить, что булаештский говор не относится к общекарпатской диалектологической зоне. Учитывая, что формирование общекарпатской диалектологической общности принято относить к сравнительно недавним временам – XV-XVI векам (Орел 1989: 100), это дает нам и хронологический репер. И важно отметить, что этот репер совпадает с теми данными, которые дает нам и анализ проникновения полонизмов в украинские диалекты, и изменение в фонетике – переход «а» в «е» в буковинских говорах (что не наблюдается в булаештском говоре), и переход «и» в «е» в гуцульских говорах (что как раз в булаештском говоре наблюдается).

Показательно и то, что те слова из списка Г.И. Клепиковой, которые все-таки присутствуют в булаештском говоре, сама исследовательница относит к наиболее архаичным пластам.

Существенно важно здесь и то, что в булаештском говоре нет также и ряда слов молдавского происхождения, известных и широко распространенных в буковинских и гуцульских говорах. Например, «дзяма» - борщ с мясом; «боугар» - пастух волов; белега (балег) – коровий помёт (практически весь список Г.И. Клепиковой и много других, представленных, например, в словаре В.А. Прокопенко). Отсутствие этих слов тоже диагностирует время отрыва булаештского говора от общего массива юго-западных украинских диалектов.

И хотя булаештский говор тоже заимствовал ряд молдавских слов, но это другие слова, не засвидетельствованные в буковинских и вообще юго-западных украинских говорах. Ниже я остановлюсь на этом подробнее. Кроме того, замечу, что некоторые слова проникли из молдавского в булаештский совсем недавно. Например, слово «калдаря» – ведро появилось очень недавно, всего 30 лет назад. Кстати, «калдаря» демонстрирует нам и механизм заимствования слов. Когда из употреб-

ления вышли деревянные коно(у)ки, их заменили покупные ведра. Вместе с ними пришло и молдавское по происхождению слово «калдаря».

Следующим важным фактом является то, что в булаештском говоре нет и ряда слов болгарского происхождения (или известных в болгарском – я в данном случае их специально не разделяю), относящихся к общекарпатской лексике. Это такие слова, как:

1. бунда – кожаная с мехом безрукавка,
2. кептарь – то же самое,
3. кошуля – рубашка,
4. глота – толпа,
5. гляба – жаль,
6. газда – хозяин,
7. гуня – вид верхней одежды,
8. грапа – борона.

И здесь нельзя пройти мимо того факта, что почти все эти слова – из группы наиболее ярких «карпатизмов», известные в южнославянских языках, но отсутствующие в булаештском – «бунда», «глота», «дараб», «газда» – есть и в румынском.

Так, есть слово «газда» в том же значении – «хозяин, хозяйка» (DRR: 528). Аналогично, «дараб» – с тем же значением «кусок», тоже присутствует в румынском (DRR: 350). Также в румынском присутствует и слово «бунда» – со значениями меховая безрукавка, доха, бурка (DRR: 188). Слово «кептарь», даже без обращения к словарю, очевидно, румынское по происхождению – от «кепт» – грудь.

Есть в румынском и слово «gloata» – толпа (DRR: 545), оно однозначно связывается с южнославянским «глота». Так же, как «грапа» – борона (DRR: 552).

Думается, что отсутствие этих слов в булаештском при их общекарпатском характере можно объяснить только уже указанной причиной – ко времени этих южнославянско-румынско-карпатоукраинских контактов булаештский говор уже не входил в это поле влияния.

Но этот факт еще интереснее с другой точки зрения, поскольку есть четкие и очень однозначные следы болгарского влияния на булаештский говор. Отметим лишь некоторые наиболее яркие примеры болгарского влияния.

В первую очередь, это слово «прістелка» – оно легко и безошибочно сопоставляется с болгарским «престилка» или «престель», «престелка» (БЕР 5: 676). В обоих языках оно имеет значение «фартук, передник». Оно неизвестно диалектам украинского языка, равно как и литературному украинскому. БЕР указывает, что оно было заимствовано и в румынский язык, где имеет форму «prestelca» или «prestelca».

В словаре румынского языка, изданном в Кишиневе (DRR: 946), дается только вариант «pestelca» с пометкой – региональное. В соседнем с Булаештами молдавском селе Мырзачи тоже присутствует только форма «pestelca».

Кроме «прістелкі», отметим слова: «клэй» в значении «смола косточкового дерева»; «процап» – дышло для запряжки волов; «пожарнэца» – зверобой; «косор» – садовый кривой нож; «млажа» – молодая поросль дерева; «врана» – затычка для бочки, «за(у)ор» – засов (это слово известно и буковинским говорам), «кланец» – клюв (в форме «клонц» известно и в украинских диалектах Закарпатья (ЕСУМ 2: 465)).

И здесь возникает вопрос – попали ли эти слова в булаештский говор непосредственно или через румынский?

Дело в том, что все перечисленные выше слова – индикаторы болгарского влияния на булаештский говор – считаются заимствованными и в румынский язык. Заимствованными из болгарского или вообще южнославянских языков. Однако анализ ситуации заставляет усомниться в возможности посредничества в данном случае румынского языка для их проникновения в булаештский говор.

Что касается «прістелкі», то в румынском заимствование дало все же именно «pestelca» как основную форму. И то редкую, характерную для отдельных диалектов. Форма же «prestelca», очевидно, встречается еще реже. И, видимо, встречается на болгарско-румынском пограничье. Поэтому румынское посредничество представляется здесь маловероятным.

К тому же добавлю, что в соседнем с Булаештами ближайшем селе Мырзачи используется для обозначения передника и слово «кошулец». В Булаештах оно неизвестно. Между тем, логично было бы ожидать проникновения обоих терминов – если бы источником был язык соседних молдавских сел.

«Процап» в болгарском литературном языке – «процеп», с ударением на первом слоге. Однако в болгарских диалектах мы находим и форму «процап», с ударением на втором слоге (БЕР 5: 797).

Отдельно хочу остановиться также на слове «млажа». В болгарском оно имеет значение «прутья ивы», «прутья для плетения корзин» (БЕР 4: 158). В румынском языке мы видим тот же спектр значений – «ива, ивовые прутья» (DRR: 814). БЕР полагает, что румынская форма восходит к сербохорватской, как раз и означающей «молодые побеги дерева, молодая поросль». Поскольку в булаештском говоре мы видим именно последнее, более широкое значение, сложно представить, чтобы оно попало в булаештский говор в суженной форме, а потом опять расширило свое значение.

А учитывая, что в румынском есть слово «mlada», означающее как раз «молодую поросль» и восходящее к славянским языкам, можно предположить, что в булаештский говор слово с таким значением попало из иного славянского языка, нежели в румынский. Или же это происходило одновременно, когда спектр значений еще был шире и мог быть интерпретирован в разных принимающих языках по-разному.

«Гугла» в булаештском – копна кукурузных стеблей конусообразной формы. В украинском является диалектизмом и имеет значение «гуцульская верхняя одежда с высоким острым капюшоном» (ЕСУМ 1: 611). Аналоги в южнославянских и западнославянских языках дают «высокую остроконечную шапку». Важно, что, по мнению лингвистов, источник заимствования в славянские языки – ранненижне немецкий, дающий форму «gugel» - капюшон.

В болгарском языке, как и в булаештском, оно имеет еще и значение «копна сена» (БЕР 1: 292).

В румынском есть слово «gluga», которое тоже имеет и значение «копна». По мнению лингвистов, заимствование из румынского «gluga» в болгарский не представляется возможным. Возможно, это применимо и к булаештскому говору, то есть следует говорить в данном случае о параллельном словотворчестве.

Обобщая вышесказанное, следует отметить, что Я.С.Мельничук указал на непосредственные контакты части юго-западных украинских диалектов и южнославянских языков в период, предшествующий романизации Молдовы и Добруджи (Мельничук 1967: 52). Отсутствие же перечисленных выше булаештских слов в буковинских и карпато-украинских диалектах позволяет думать о том, что эти булаештско-южнославянские контакты происходили вне той ситуации, которая привела к появлению карпатоукраинских диалектов. Кроме того, если рассматривать южнославянские влияния как заимствованные в булаештский говор через молдавский язык, то мы столкнемся с любопытным парадоксом, а именно: тогда придется принять, что булаештский говор заимствовал из молдавского преимущественно (очень преимущественно) слова, имеющие южнославянское происхождение.

В связи с этим хотелось бы обратить внимание на группу слов булаештского говора, которые имеют южнославянские параллели и при этом отсутствуют в румынском.

В первую очередь, в булаештском говоре есть очень интересное слово «подвал» - оно обозначает растение «мать-и-мачеха». В украинском – «підбіл». Ближе к этому звучат и формы болгарского, сербохорватского, польского и прочих славянских - это растение обозначается вариантами «подбѣл, подбел». В румынском оно было заимствовано в близкой форме – «podbeal» (БЕР 5: 433).

Единственную аналогию булаештскому варианту мне удалось обнаружить в виде болгарского диалектного «подвалка» (БЕР 5: 439) – оно обозначает то же растение.

Следующее слово – «клонка». В болгарском оно означает «кудах-тать» применительно к насадке (БЕР 2: 465). В булаештском мы имеем «клонкатэ» с тем же значением. Ни СУМ, ни ЕСУМ этого слова не знают. Нет его и в румынском. Далее, болгарское слово «кацак» – способ заплетать волосы для женщин, женская прическа (БЕР 2: 282). В булаештском мы имеем фамилию Кацак.

Следующий пример тоже относится к обозначению дикорастущих растений. В болгарском «коляно», «коляниче» – «хвощ полевой» (БЕР 2: 565). В булаештском то же растение обозначается словом «колінца». Ни в одном из сравниваемых языков – украинском или румынском – аналога мне обнаружить не удалось.

Далее, в ЕСУМ есть слово «клокичка» (ЕСУМ 2: 465) – растение «*Staphylea pinnata* L.». В бойковском диалекте оно обозначает «молодая ель». В булаештском говоре есть похожее слово, обозначающее жимолость (если меня не подводят мои познания в ботанике). Но произносится оно «клонкічка». Аналогичной формы мне нигде более найти не удалось. И здесь интересно, что это можно сопоставить с «клонкатэ» – в диалекте украинского в Закарпатье тождественное понятие передается словом «клокати» (ЕСУМ 2: 465) – тоже, как видим, выпадает «н».

Ну и все таки стоит остановиться на одном интересном булаештском слове – «потка». Это эвфемизм, означающий женские половые органы. В болгарском это слово имеет значение «знак, отмечающий границу сада», а также – «дырка» (БЕР 5: 554). Последнее значение делает понятным семантику булаештского варианта. Но, очевидно, его возникновение не связано с болгарским языком. Хотя здесь, возможно, удастся найти параллель в диалектах болгарского.

Кроме лексических параллелей булаештского говора с болгарским языком, отмечу и такую этнографическую, как св. Трифа – праздник св. Трифона, который справляется в Булаештах 14 февраля, как и у болгар. И имеет ту же семантику – день, когда плодовые деревья кропят святой водой, чтобы спасти от жучков и обеспечить плодородие.

Подчеркну и характерную форму имени – Трифа, а не Трифон. Видимо, она вообще была характерна для булаештского говора. Так, мы знаем имя Штефа (один его носитель жив до сих пор – Штефа Кланчік, бывший тракторист).

Возникает вопрос о времени этих булаештско-болгарских контактов. В этой связи замечу, что в булаештском говоре отсутствует та

болгарская лексика, которая, по В.К. Павлу, распространена в основном в южной части Бессарабии и в дунайских говорах (Павел 1978: 224). Она, очевидно, проникает уже в XIX веке, после массового переселения болгар в Бессарабию. Это слова типа «тарица», «диканя», «чекел».

Кроме того, судя по тем параллелям, которые болгарские аналоги булаештских слов имеют в сербо-хорватском языке, в булаештском говоре мы наблюдаем не столько болгарское влияние, сколько вообще южнославянское. Возможно, позже можно будет уточнить более конкретно, кто был основным источником этого влияния.

Все это, а также выясненный выше факт отсутствия в булаештском говоре большей части «карпатоукраинской лексики» и сильные отличия от буковинских говоров приводит к выводу, что «болгарские» влияния на булаештский говор были очень ранними. И, вероятно, их следует относить ко времени до возникновения Молдавского государства. К этому следует добавить наличие таких топонимов возле Булаешты, как Княж – лес, расположенный между селами Булаешты, Суслены, Жора, Вышкауцы. Молдавское население называет его Кнеж – то есть оно было заимствовано из южнославянских языков. Однако, если бы жители Булаешты заимствовали его из молдавского, то оно бы у них имело форму не Княж, а какую-то другую – скорее всего, Кніж. Аналогично другой микротопоним, Корнова – «кизилковый лес», где «корн» - молдавский по происхождению компонент - оформлен славянским суффиксом. И, видимо, именно южнославянским (Полевой 1979: 106; Полевой 1985: 19).

С этими лингвистическими данными очень интересно коррелируют данные переписи 1820 года (Tomescu 1930: 30-44). Она отмечает для всех сел и время основания (заселения). При этом для Суслен – 200 лет, для Мырзешты – 100 лет, для Березложь – 100 лет, Вышкауц – 200 лет, Киперчены – 60 лет, Изворы – 20 лет, Погребены – 35 лет, Лалова – 80 лет. Пересечина – 469 лет. И всегда указывается, если название села известно издревле, а основано, заселено оно уже в указанное время. То есть проводится разница между временем возникновения села и названия.

Но для целого ряда сел – Жора, Лопатна, Моловата, а также и для Булаешты (я имею в виду только близлежащие к Булаештам села) и для Орхей указывается буквально – «основано никто не помнит когда» (Tomescu 1930: 32). И, видимо, основание Булаешты и других сел, датированных временем «неизвестно когда», произошло раньше, чем возникли их соседи, время основания которых известно. То есть, видимо, для Булаешты достаточно надежным репером может служить основание Суслен, расположенных не далее, чем в 6 км.

Интересно также отметить, что только жители Булаешт называют соседнее село Гиждиены - Слобітка. То есть это показатель того, что когда это село было слободкой (это в Молдове часто практиковалось при запустении того или иного села), Булаешты уже помнят.

В заключение я хотел бы привести ряд слов булаештского говора, которые демонстрируют его своеобразие и могут оказаться очень ценным источником в выяснении вопроса о времени и обстоятельствах формирования булаештского говора. Анализ этого материала еще не завершен, но, думаю, целесообразно его представить, чтобы другие исследователи могли его использовать.

В первую очередь отмечу слова, находящие соответствия в диалектах молдавского.

Это слово «кітрівэй» - голубой. В украинском языке – «блакітний» (булаештскому говору неизвестное, как и «голубой»). Замечу, что слово «блакітнэй» засвидетельствовано в украинском языке в 1579 году (Рогаль 1982: 22), «голубой» – с 1630 года.

Очевидно, «кітрівэй» следует сопоставлять с молдавским диалектным «chetriu» - с тем же значением.

Далее, ни СУМ, ни ЕСУМ не знают в украинском языке слова «коржа» - в булаештском оно обозначает кору. Думается, оно возникло в булаештском именно под молдавским влиянием.

Интересным словом является «соркожі» - шелковица, при молдавском «агуд» - шелковица. В DRR оно отсутствует, как и в словарях украинского языка (СУМ, ЕСУМ). Но диалектам молдавского языка известно слово «sorcova» с тем же значением. В соседних с Булаештами молдавских селах оно произносится как «sorcoji». Здесь, на мой взгляд, очень интересная картина, и стоит подробнее разобраться как в этимологии этого слова, так и в том, каков был процесс и векторы заимствования в молдавские диалекты и в булаештский говор.

Упомяну также некоторые булаештские слова, находящие параллели в других диалектах украинского, более удаленных и территориально, и в лексическом отношении от булаештского, чем буковинские говоры. Здесь, в первую очередь, отмечу булаештское слово «облон» - «ставня». Оно находит параллели в бойковском говоре украинского языка. В бойковском говоре это слово означает часть оконной рамы, или оконную раму – «шибку». Там же, в бойковском говоре, мы видим «книши» в значении «пирог из пресного теста» - как и в булаештском. В буковинских говорах это слово означает «котлеты» (Прокопенко 1971). Слово «горшкар» (при буковинском «гончар») – очень своеобразное. Аналог мы обнаруживаем только в Закарпатье и паре сел у гуцулов (АУМ, карта 137). Также в булаештском говоре произносится «кочарга» (при буковинском «кочерга» или «коцюба»). И аналоги – тоже только в Закарпатье (АУМ, карта 282).

Обод сита в буковинских говорах обозначается словом «обичайка» (АУМ, карта 286). В булаештском же используется слово «вэшка».

Интересно присутствие в булаештском говоре слова «чутора» (турецкого по происхождению) – деревянное ведро для доставания воды из колодца. В гуцульских говорах оно значит «плоская деревянная посуда». Очевидно, это пример параллельного и независимого заимствования. В болгарских говорах Бессарабии «чутора» означает деревянную ступку (Болгарские говоры, 1952).

Внимания заслуживают и булаештские слова «удул» – «удод», при буковинском и вообще украинском «вудвуд», «удуд», «вэврэлэца» – «белка», при диалектных украинских вариантах «веверица», «гергіль» – «грядиль плуга», при буковинском и гуцульском «продолюб» (АУМ, карта 306) или подольском «греділь».

Слово «млава» в булаештском говоре имеет значение «невкусная, не имеющая вкуса» применительно к питьевой воде. БЕР дает отсылку на значение «млава» в сербохорватском языке, где оно значит «вода в реке, которая стоит или почти не течет» (БЕР 4: 150).

В украинском имеем слово «млява» (СУМ 4: 475) – лишенная живости, бодрости. Оно, судя по отсылкам, характерно именно для карпатоукраинских диалектов. В форме «млава», судя по тем же отсылкам, встречается только в буковинских говорах.

Но интересно здесь то, что, видимо, украинские диалекты не используют это слово применительно к воде. То есть это, вероятно, именно южнославянская традиция.

Отмечу также булаештское слово «гілэтка». Оно широко известно карпатоукраинским диалектам, имея спектр значений от «подойник» до «кадушка» и, по общему мнению, происходит из восточнороманского «galeata» – «ведро». Но, насколько я сумел установить, только в булаештском говоре это слово означает «бочка для вина».

В этом же контексте отмечу булаештское слово «жіца» – «виноградная лоза». Интерес представляет то, что это слово есть в болгарском и сербохорватском в значении «стебель тыквы, дыни» (БЕР 1: 549).

В заключение следует упомянуть характерную для Булаешт форму имен Прокоб, Якуб – с твердым «б» на конце. Есть еще интересная форма имени – Бладімір (Владімір), ныне уже угасшая. Аналогов ей обнаружить не удалось.

Таким образом, булаештский говор имеет наибольшую близость к говорам карпатоукраинским и, прежде всего, к буковинским. Но при этом он демонстрирует даже от буковинских говоров очень высокую степень отличия, а также отсутствие специфической «карпатской» лексики, в том числе южнославянского происхождения или известной

в южнославянских языках, а также известной и румынскому языку. Важной особенностью булаештского говора являются также южнославянские параллели, не представленные в румынском языке и не известные буковинским и иным диалектам украинского языка. Эти южнославянские параллели, а также отсутствие в булаештском говоре «карпатизмов» позволяют сделать вывод, что болгарские влияния на булаештский говор были очень ранними: вероятно, их следует относить ко времени до возникновения Молдавского государства.

ЛИТЕРАТУРА

Болгарские говоры СССР. М., 1952

Клепикова Г.Н. Функционирование и генезис терминологии пастушества в славянских диалектах карпатского ареала // Славянское и балканское языкознание. М., 1975. С. 161-201.

Кондрашов Н.А. Славянские языки. М., 1986.

Мельничук Я.С. Значение восточнороманских языковых данных для истории древнерусского и украинского языков // Восточнославяно-молдавские языковые взаимоотношения. Киев, 1967. С. 49-55.

Орел В.Я. К границам этимологии карпатской лексики // Общекарпатский диалектологический атлас. М., 1989.

Павел В.К. Диалектная терминология как источник изучения земледелия и расселения молдаван // Славяно-волошские связи. Кишинев, 1978. С. 217-235.

Полевой Л.Л. Очерки исторической географии Молдавии XIII-XV вв. Кишинев, 1979.

Полевой Л.Л. Раннефеодальная Молдавия. Кишинев, 1985.

Романчук А.А., Балахнова В.А., Демченко О.Н. Русины Орхейских Кодр // www.moldo.org. 2005.

На украинском языке:

Атлас української мови. Київ, 1984. Т. 1.

ЕСУМ: Етимологічний словник української мови. Київ.

Жилко Ф.Т. Говори української мови. Київ, 1958.

Прокопенко В.А. Матеріал до словника буковинських говірок. Вып. 1. Черновці, 1971.

Прокопенко В.А. Матеріали до словника буковинських говірок. Вып. 2. Черновці, 1971.

Рогаль М.С. Полонизми в українсько-білоруській деловій мові XIV-XV ст. // Лексика української мови в її зв'язках з сусідніми слов'янськими і неслов'янськими мовами. Ужгород, 1982. С. 21-22.

СУМ: Словник української мови. В 12 т. Київ.

Шило Г.Ф. Південно-західні говори УРСР на північ від Дністра. Львів, 1957.

На болгарском языке:

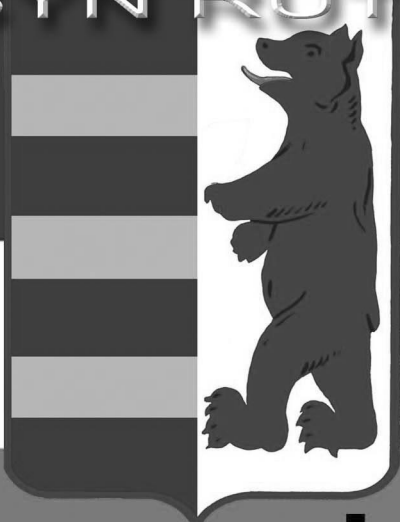
БЕР: Български етимологичен речник. София.

БЕР 1 (том 1) – 1971; БЕР 2 (том 2) – 1979; БЕР 4 (том 4) – 1995; БЕР 5 (том 5) – 1999.

На румынском языке:

DRR: Dicționar Român-Rus. Chieinru., 2000.

Tomescu C.N. 1930. Catagrafia Basarabiei la 1820. 132 sate de tinutul Orheiului. Chieinru.

РУСНАК
RUSYN RUTHEN

www.rusnak.info
e-mail: svmiros@eunet.yu